

Беляев А. Д. [Рец. на:] *Виппер Р.* Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI века: Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М., 1894 // Богословский вестник 1901. Т. 1. № 4. С. 781–799 (2-я пагин.). (Окончание.)

БИБЛИОГРАФІЯ.

Вліяніє Кальвина и кальвинизма на политическія ученія и движенія XVI вѣка.

Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка въ эпоху кальвинизма. Р. Виппера. Москва. 1894¹⁾.

Задачи своего труда профессоръ Випперъ опредѣляетъ во Введеніи слѣдующими словами:

„Я имѣлъ въ виду выяснить первоначальную церковную и политическую теорію кальвинизма въ томъ видѣ, какъ она развилась и фиксировалась въ Женевѣ, показать, въ какихъ практическихъ формахъ она выразилась здѣсь, и въ какую традицію она перешла подъ вліяніемъ дѣйствовавшей на нее среды. Я подробно остановился на политическомъ развитіи Женевы до реформации и въ теченіе XVI вѣка, чтобы выяснить, какое мѣсто принадлежитъ здѣсь вліянію кальвинистской церкви; мнѣ кажется, на основаніи сдѣланной работы, что здѣсь можетъ идти рѣчь объ усвоеніи государствомъ извѣстныхъ церковныхъ задачъ внутри и извнѣ, о принятіи нѣкоторыхъ формулъ, но не больше; формы Женевской республики въ XVI вѣкѣ опредѣлились другими условіями и намѣтились отчасти ранѣе установленія характернаго типа кальвинистской церкви; политическіе порядки далеко не во всемъ и не всегда совпадали со стремленіями Церкви. Далѣе, я старался опредѣлить мотивы и направленіе церковной политики магистрата; мнѣ казалось возмож-

¹⁾ Окончаніе. См. Богосл. Вѣстн., мартъ, стр. 582—596.

нымъ отмѣтить здѣсь извѣстныя самостоятельныя задачи, которыя ставила себѣ свѣтская власть, и для этой цѣли важно было привлечь аналогію ранѣе опредѣлившейся въ своихъ формахъ цвингліанской реформаціи. Съ этой точки зрѣнія мнѣ представлялось возможнымъ взглянуть на церковно-политическіе акты эпохи Кальвина не какъ на простыя уступки по отношенію къ церкви, болѣе или менѣе значительныя, но отчасти какъ на совмѣстное дѣло государственной власти и представителей церкви, иногда сходящихся въ своихъ цѣляхъ, иногда проводившихъ на почвѣ однихъ и тѣхъ же учреждений различныя тенденціи, какъ это особенно видно на церковныхъ ордонансахъ 1541 г. Въ изученіи собственно церковной и политической теоріи, появившейся въ стѣнахъ Женевы, я имѣлъ въ виду опять таки сравненіе главнымъ образомъ съ ближайшей по кругу вліянія теоріей цвингліанства. Основной чертой отличія здѣсь является ученіе объ отношеніи церкви и государства. Практически этотъ вопросъ играетъ наиболѣе существенную роль въ борьбѣ, слѣдующей за проведеніемъ церковныхъ ордонансовъ 1541 г. (споръ о правѣ отлученія). Переходя къ этому періоду, слѣдя за развитіемъ церковныхъ формъ, я старался показать, какъ свѣтская власть въ извѣстныхъ отношеніяхъ, въ проведеніи нравственной дисциплины, въ преслѣдованіи ереси, конкурируетъ съ церковію; какъ, съ другой стороны, церковь, замѣшиваясь въ городскую жизнь, усваиваетъ себѣ чуждые ей первоначально цѣли и приемы, до извѣстной степени сходя на положеніе служебнаго органа правительственной власти и стараясь въ то же время сохранить извѣстный высшій контроль по аналогіи „пророковъ“; наконецъ, выдѣлить тѣ оригинальныя стремленія Женевской церкви, которыя вызвали наибольшее противодѣйствіе въ правительствѣ и извѣстной части общества. Общая характеристика положенія церкви въ концѣ дѣятельности Кальвина должна будетъ показать, на какихъ пріобрѣтеніяхъ она остановилась въ моментъ наибольшаго своего успѣха. Изученіе эпохи, слѣдующей за Кальвиномъ, дало мнѣ возможность опредѣлить, какія церковныя традиціи утвердились болѣе или менѣе прочно въ Женевѣ: идея самостоятельности церкви въ сферѣ религіознаго и нравственнаго контроля обращается на практикѣ, съ одной стороны,

въ подчиненную государственной власти полуполицейскую дѣятельность консисторіи, съ другой, въ право ходатайства и критики дѣйствій магистрата со стороны представителей церкви“ (IX—X стр.).

Исторія гражданско-церковной жизни Женевцевъ и дѣятельности церковнаго и гражданскаго правительства Женевы, равно какъ и исторія дѣятельности Кальвина излагается въ книгѣ профессора Виппера подробно, шагъ за шагомъ, изъ года въ годъ. Излагая преимущественно фактическую исторію, онъ старается также уяснить и опредѣлить тѣ идеи, которыя проводили въ жизнь Женевскаго народа руководители этого послѣдняго и въ особенности самъ Кальвинъ, и обозначить вліяніе этихъ идей на устроеніе церковнаго и гражданскаго правительства Женевы, на порядки и нравы Женевскаго народа и на соперничество и борьбу партій, во главѣ которыхъ стояли представители знатнѣйшихъ фамилій города. Онъ разсматриваетъ и оцѣниваетъ не богословскія ученія Кальвина и его учениковъ и приверженцевъ, равно какъ и противниковъ, а ихъ практическую церковно-гражданскую дѣятельность. Онъ не богословъ, а историкъ, и, пожалуй, болѣе гражданскій, нежели церковный историкъ.

Но такъ какъ исторія Женевы была еще раньше Виппера написана Кампшульте и Роже, не говоря о другихъ, менѣе видныхъ писателяхъ, разсматривавшихъ отдѣльныя стороны этой исторіи, то естественно возникаетъ вопросъ, привнесъ-ли профессоръ Випперъ что нибудь новое въ разработку этой исторіи, и какое имѣетъ отношеніе его книга къ трудамъ его предшественниковъ?

Это отношеніе можно выразить двумя словами: съ одной стороны, профессоръ Випперъ широко пользуется произведеніями своихъ предшественниковъ, особенно исторіей Роже; съ другой стороны, онъ частію пополняетъ ихъ, частію исправляетъ.

Такъ, главный историкъ Женевы Роже довелъ свою исторію Женевскаго народа только до 1568 года, а профессоръ Випперъ—исторію управленія этимъ городомъ до 1604 года, хотя, конечно, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что Роже написалъ всестороннюю исторію Женевскаго народа, а Випперъ описалъ только правленіе этого народа, церковное и

гражданское, въ теченіе XVI-го вѣка, и притомъ съ помощію исторіи Роже.

Что касается до Кампшульте, то вторая половина его труда вышла въ свѣтъ только въ настоящее время. Профессоръ Випперъ писалъ свою книгу четвертію вѣка позже, нежели Кампшульте первый томъ своего труда, и, пользуясь многими источниками и пособиями, которыхъ еще не было въ шестидесятыхъ годахъ, могъ восполнить пробѣлы и исправить недостатки, какіе есть въ книгѣ Кампшульте.

Но, чтобы имѣть возможность отнестись критически къ трудамъ своихъ предшественниковъ, исправить ихъ ошибки, восполнить недостающее въ нихъ, пролить свѣтъ на стороны предмета мало уясненныя, для этого нужно было предварительно изучить, или, по крайней мѣрѣ, внимательно прочитать эти труды. Дѣйствительно, въ книгѣ профессора Виппера замѣтны слѣды обширнаго и, повидимому, основательнаго знакомства его съ литературою предмета.

Для русской литературы книга профессора Виппера составляетъ вкладъ почти совсѣмъ новый. Упомянутое сочиненіе г. Назаревскаго по задачѣ и предмету только отчасти совпадаетъ съ его книгою. Въ немъ описываются жизнь и дѣятельность Кальвина, излагается и оцѣнивается его ученіе, при чемъ, конечно, не мало говорится и о Женевской общинѣ, но только по близкой соприкосновенности ея съ Кальвиномъ, который двадцати семи лѣтъ отъ роду, въ 1536 году, прибылъ въ Женеву и затѣмъ постоянно, за исключеніемъ трехъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ въ изгнаніи, жилъ въ Женевѣ и руководилъ церковною и гражданскою жизнью города до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1564 году. Напротивъ, профессоръ Випперъ преимущественно излагаетъ исторію церковно-гражданскаго управленія въ Женевѣ въ теченіе XVI-го вѣка и говоритъ много о дѣятельности Кальвина только по тѣсной связи ея съ Женевою. Такимъ образомъ, что у г. Назаревскаго поставлено на первомъ планѣ, это у г. Виппера отодвинуто на второй планъ; наоборотъ, въ книгѣ г. Виппера широко раскрыто то, что въ сочиненіи г. Назаревскаго разсмотрѣно только мимоходомъ. Оба эти сочиненія взаимно дополняются одно другимъ, и нужно ознакомиться съ тѣмъ и другимъ, чтобы получить довольно полныя свѣдѣнія о Кальвинѣ,

кальвинизмѣ, а также о колыбели и очагѣ кальвинизма— Женевѣ. Книга профессора Виппера полезна тѣмъ, что желающихъ ознакомиться съ первоначальною исторіей кальвинизма, но не имѣющихъ возможности читать иностранныя книги она вводитъ во внутреннюю жизнь колыбели и метрополіи кальвинизма — Женевы, представляя подробное изображеніе политическаго, гражданскаго, церковнаго и отчасти бытоваго устройства и состоянія этого города за цѣлое XVI-е столѣтіе.

Къ сожалѣнію профессоръ Випперъ ни въ концѣ главъ, ни въ концѣ всей книги не сдѣлалъ общихъ заключительныхъ выводовъ изъ подробно рассказанной имъ исторіи взаимныхъ отношеній между церковію и государствомъ въ Женевѣ въ XVI-мъ вѣкѣ. Прочитавши книгу въ 700 страницъ, переполненную подробностями и мелочами, читатель естественно желалъ бы найти въ концѣ книги общіе выводы изъ изложенной исторіи, которые дали бы ему возможность припомнить главные моменты ея и однимъ взглядомъ окинуть связь важнѣйшихъ событій описанной эпохи,—ожидаетъ найти общую оцѣнку государственной и церковной власти Женевы и ихъ взаимныхъ отношеній, равно какъ и оцѣнку кальвинизма и его вліянія на политическія отношенія Женевы къ другимъ протестантскимъ общинамъ, на государственное и гражданское правленіе и общественное устройство этого города, на бытъ, нравы и взаимныя отношенія между его жителями; но совершенно обманывается въ своихъ ожиданіяхъ: никакихъ общихъ обзорнѣй не сдѣлано, общей оцѣнки не дано, итоговъ не подведено. Профессоръ Випперъ не пожелалъ высказать свой личный взглядъ на достоинства и недостатки гражданскаго и церковнаго правленія Женевы; а между тѣмъ здравая и безпристрастная оцѣнка кальвинизма и связаннаго съ нимъ гражданско-церковнаго устройства Женевы, не нарушая объективности исторіи, не мало содѣйствовала бы уясненію смысла ея. Допустимъ, что на основаніи изложеннаго въ книгѣ внимательный читатель и самъ съумѣетъ составить сужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ церковнаго и гражданскаго управления Женевы, но ему желательно было бы выслушать и мнѣніе объ этомъ автора книги, который много изучалъ предметъ по первоисточникамъ, ознакомился съ литерату-

рой его, написалъ о немъ большую книгу, а потому знаетъ его несравненно лучше любого читателя и имѣетъ всѣ средства судить о немъ правильнѣе, глубже и основательнѣе, нежели читатели.

О книгѣ профессора Вишпера можно произнести приблизительно такой же приговоръ, какой онъ самъ сдѣлалъ объ исторіи Женевы Роже. „Цѣнное своимъ безпристрастнымъ изображеніемъ женевской жизни, множествомъ тонкихъ и вѣрныхъ отдѣльныхъ замѣчаній, говоритъ онъ, сочиненіе Роже страдаетъ отсутствіемъ общихъ выводовъ: передъ нами мелькаютъ пересказываемые въ пространной и спокойной лѣтописной формѣ факты, хорошо истолкованные, но не выдѣляются общія направляющія движенія, не обрисовываются результаты; Роже умѣлый и интересный проводникъ въ исторической галлерей XVI вѣка, но онъ предоставляетъ читателю сводить отдѣльныя впечатлѣнія въ общее цѣлое и извлекать изъ нихъ поученіе“ (VIII стр.)... „У Роже по обыкновенію вѣрно указаны отдѣльные элементы, изъ которыхъ слагалась оппозиція, но не собраны въ общую картину“ (355 стр.).

Почему профессоръ Вишперъ не позаботился устранить въ своей книгѣ тотъ самый недостатокъ, какой онъ замѣтилъ и осудилъ въ книгѣ Роже, мы не знаемъ. Кстати замѣтимъ, что Роже можно извинить, что онъ не сдѣлалъ общихъ заключительныхъ выводовъ изъ своей исторіи Женевы, потому что онъ за смертью не кончилъ своей книги; но профессоръ Вишперъ вполне окончилъ свой трудъ въ намѣченныхъ предѣлахъ.

При отсутствіи заключительныхъ выводовъ книга профессора Вишпера кончается какъ-то обрывисто. Не видно, почему онъ закончилъ свою книгу изложеніемъ исторіи Женевы въ первые годы XVII-го вѣка, почему изложилъ эту исторію только за одинъ XVI-й вѣкъ. Повидимому, онъ сдѣлалъ это изъ подражанія Роже, который тоже предполагалъ написать исторію Женевы до первыхъ годовъ XVII-го вѣка. Правда, по взгляду профессора Вишпера въ дальнѣйшей исторіи Женевы лишь повторялись прежнія отношенія между свѣтскою и церковною властію. Но вѣдь и въ теченіе XVI-го вѣка непріязненные и примирительныя отношенія между церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ

Женева въ существенномъ повторялись не разъ, а частности одинаковыхъ по существу событій всегда бывають различны. Въ отношеніяхъ между церковію и государствомъ въ Женевѣ послѣ смерти Кальвина не было ничего существенно новаго, и, повидимому, годомъ смерти Кальвина можно было и закончить исторію церковно-гражданскаго правленія Женевы. Читателю даже надоскучаетъ повторительное изложеніе чуть не изъ года въ годъ возобновлявшихся препирательствъ и столкновеній между церковною и свѣтскою властію въ Женевѣ, источникомъ которыхъ почти постоянно были взаимное соперничество обоихъ правительствъ, домогательство каждаго изъ нихъ расширить свои права и усилить свою власть и вліяніе надъ дѣлами и гражданами города и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничить власть и вліяніе соперника. Правда, исторія Женевы послѣ смерти Кальвина имѣетъ ту важную цѣну въ книгѣ Виппера, что онъ составилъ ее преимущественно на основаніи еще не {обнародованнаго рукописнаго матеріала, лежащаго въ архивахъ Женевы, и потому эта часть его книги цѣннѣе предшествующей, большей, половины новизною матеріала и большею самостоятельностью, и составить ее было труднѣе. Но въ настоящемъ случаѣ мы оцѣниваемъ книгу Виппера собственно въ отношеніи къ цѣлостности и законченности ея. Съ этой точки зрѣнія послѣднія четыре главы, съ 537 по 686 стр., которыя самъ авторъ называетъ второю частію книги, хотя и не дѣлитъ ее формально на двѣ части, кажутся лишними; такъ какъ здѣсь мало дано новаго для характеристики отношеній между церковію и государствомъ въ Женевѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что сказано объ этомъ въ предшествующихъ главахъ. Исторія Женевы со смерти Кальвина до начала XVII вѣка въ книгѣ Виппера хотя и нова по источникамъ и матеріалу, но не важна, не нова и мало интересна по своему содержанию. Все существенное въ строѣ церковно-гражданской жизни Женевы было заложено и сдѣлано до смерти Кальвина.

Г. Випперъ принялъ за правило описывать изъ исторіи Женевы только то, что не общеизвѣстно и не безспорно. Руководствуясь этимъ правиломъ, онъ не счелъ нужнымъ изложить основныя біографическія свѣдѣнія о Кальвинѣ и рекомендуетъ читателямъ почерпнуть ихъ у Кампшульте и

Лефрана. Но мы думаемъ, что въ отношеніи къ біографіи Кальвина профессору Випперу слѣдовало не строго держаться этого правила. Почти во всей книгѣ Кальвинъ—главное дѣйствующее лице. Поэтому необходимо было дать хотя краткое жизнеописаніе этого реформатора, далеко превосходившаго своимъ значеніемъ десятки другихъ описываемыхъ въ книгѣ лицъ. Пять или десять страницъ, посвященныхъ біографіи Кальвина, не обременили бы книгу въ 700 страницъ. Къ книгамъ Кампшульте и Лефрана отсылать русскихъ читателей не цѣлесообразно: знатоки кальвинизма и безъ указаній знаютъ біографовъ Кальвина; а прочимъ читателямъ книги Кампшульте и Лефрана мало доступны, потому что на русской языкъ онѣ не переведены и столь спеціальны, что ихъ можно найти развѣ только въ самыхъ обширныхъ бібліотекахъ. Русскимъ читателямъ гораздо доступнѣе сочиненіе г. Назаревскаго, въ которомъ жизнеописаніе Кальвина составлено по біографіямъ его Безы, Павла Генриха, Штехелина, Бунгенера, Одена и Кампшульте; но именно объ этомъ сочиненіи профессоръ Випперъ совсѣмъ умолчалъ. Впрочемъ и это сочиненіе, напечатанное давно, въ прекратившемся уже журналѣ, и отдѣльною книгою, какъ кажется, не выходявшее, отыскать въ настоящее время не легко; да и не каждый даже изъ интересующихся кальвинизмомъ можетъ знать, что оно есть и напечатано въ такомъ-то журналѣ за такіе-то годы.

Біографическія свѣдѣнія о Кальвинѣ сообщили бы ясность и опредѣленность исторіи дѣятельности Кальвина въ Женевѣ. Напр., профессоръ Випперъ не упомянулъ даже о годѣ рожденія Кальвина; а отъ этого читателямъ книги остаются не извѣстными и возрастъ его, въ какомъ онъ прибылъ въ Женеву, и число лѣтъ его жизни, и время и обстоятельства его отпаденія отъ римско-латинской вѣры. Если бы всѣ эти даты были на глазахъ у читателя, ему легче было бы освоиться съ подробнымъ описаніемъ дѣятельности Кальвина въ Женевѣ.

Едва-ли можно признать правильнымъ и то мнѣніе профессора Виппера, будто въ біографіи Кальвина все установлено твердо и безспорно и будто она на столько всѣмъ извѣстна, что ее можно опустить безъ ущерба для полноты, ясности и основательности исторіи дѣятельности Кальвина

въ Женевѣ. Такъ, вопросъ о томъ, вдругъ, или постепенно совершилось въ душѣ Кальвина отпаденіе отъ католичества, и доселѣ остается вопросомъ спорнымъ и не рѣшеннымъ. Далѣе, въ оцѣнкѣ склонностей Кальвина біографы его на столько расходятся, что между тѣмъ какъ одни находятъ въ немъ привязанность къ аристократіи, другіе, напротивъ, признаютъ его демократомъ. Да и самъ профессоръ Випперъ, повидимому, не выработалъ устойчиваго и вполне определеннаго воззрѣнія на характеръ Кальвина. Такъ, на 105-й стр. онъ признаетъ способность къ инициативѣ въ Кальвинѣ слабой; а на 228-й стр. говоритъ; „Именно широкая извѣстность, пріобрѣтенная Кальвиномъ въ качествѣ профессора, организатора и церковнаго политика, и служила главнымъ мотивомъ обращенія къ нему“? Но кто имѣетъ слабую способность инициативы, тотъ едва-ли можетъ прославиться въ качествѣ организатора. Несогласіе этихъ двухъ оцѣнокъ произошло отъ того, что на 105-й стр. профессоръ Випперъ привелъ взглядъ Лефрана, а на 228-й стр. мнѣніе какого нибудь другого писателя, или и свое собственное, но не согласованное съ взглядомъ Лефрана.

На 117-й стр. профессоръ Випперъ пишетъ о Кальвинѣ: „Съ февраля 1535-го года онъ уже занялъ мыслию о составленіи новаго труда, въ которомъ онъ намѣренъ дать суммарный и систематическій сводъ всей протестантской доктрины. Это — *Institutio religionis christianae* въ своемъ первоначальномъ видѣ“. А на слѣдующей страницѣ онъ же пишетъ объ этомъ сочиненіи: „Первыя четыре главы, имѣющія чисто догматическое содержаніе, были написаны, повидимому, еще въ бытность Кальвина во Франціи“. Но изъ Франціи Кальвинъ выбылъ въ концѣ 1534 года, какъ объ этомъ заявляетъ самъ профессоръ Випперъ на 116-й стр. Можно ли говорить, что Кальвинъ *былъ уже занятъ мыслию о составленіи новаго труда съ февраля 1535-го года*, если онъ четыре главы этого труда написалъ еще во Франціи, т. е., раньше конца 1534-го года?

На страницахъ 276—277 профессоръ Випперъ усиливается доказать, что участіе Кальвина въ выработкѣ эдиктовъ 1543 г. было не значительно; но изъ приведеннаго имъ на 277-й стр. примѣчанія можно усматривать, что въ этомъ дѣлѣ Кальвинъ принималъ большое участіе.

Въ наименованіяхъ различныхъ свѣтскихъ правительственныхъ учрежденій Женева замѣтна сбивчивость, неопредѣленность, непослѣдовательность и неясность. Эти учрежденія были слѣдующія: Общее народное Собраніе=Conseil général; Совѣтъ 200 или Большой Совѣтъ=Grand Conseil; Совѣтъ 50, онъ же Совѣтъ 60, который также назывался Большимъ Совѣтомъ=Grand Conseil; Совѣтъ Малый=Petit Conseil, Conseil étroit, называвшійся еще Совѣтомъ Синдиковъ, а также Сенъеріей. Для обозначенія тѣхъ же правительственныхъ учреждений профессоръ употребляетъ еще названія — магистратъ, магистраты. Если было два Большихъ Совѣта, то при упоминаніи о томъ, или другомъ изъ нихъ слѣдовало каждый разъ говорить: „Совѣтъ 200“; „Совѣтъ 50, или 60“. Но профессоръ Випперъ не рѣдко говоритъ только: „Большой Совѣтъ“; и остается не извѣстнымъ, какой изъ двухъ Большихъ Совѣтовъ онъ разумѣетъ.—На 274-й стр. сказано, что Малый Совѣтъ постепенно отождествился съ понятіемъ Сенъеріи ¹⁾, Магистрата; а на 270-й стр. слово Магистратъ употреблено во множественномъ числѣ; и читатель остается въ недоумѣніи, что нужно разумѣть подъ магистратами: одинъ-ли только Малый Совѣтъ, или всѣ Совѣты, или всѣ Совѣты и Общее Народное Собраніе. А на 533-й стр. употреблено же переведенное на русскій языкъ выраженіе: „inferiores magistratus“, и не пояснено, что означаетъ это названіе.— На 659-й стр. Совѣтъ 200 отличается отъ Большого Совѣта, между тѣмъ какъ во всей книгѣ именно Совѣтъ 200 и называется постоянно Большимъ Совѣтомъ.

На 220-й стр. Женева справедливо названа центромъ Романской Швейцаріи, но раньше употребленные профессоромъ Випперомъ выраженія показываютъ, что какъ будто онъ отличаетъ Женеву отъ Швейцаріи. Но на самомъ дѣлѣ Женеву можно отличать только отъ Нѣмецкой Швейцаріи, а не отъ всей Швейцаріи, въ которую она входитъ, какъ часть. Конечно, здѣсь есть только неточность выраженій, а не недостатокъ знанія.

Въ поясненіи терминовъ иногда замѣтна запоздалость. Такъ, слово магистратъ и магистраты пояснено только на 274-й стр., а между тѣмъ оно употребляется въ книгѣ и раньше. —

1) Сенъеріей сначала называлась сама Женевская республика.]

Различіе между „буржуа“ и „ситуаэнь“ объяснено на 36-й стр., въ примѣчаніи; но эти слова были приведены раньше, даже не однократно.—Слово „видомнь“ объяснено на 19-й стр., а оно встрѣчается еще на 4-й страницѣ.

Запоздалость поясненій терминовъ, повидимому, есть результатъ другого, болѣе важнаго, недостатка — чрезмѣрной зависимости автора книги отъ пособій, которыми онъ пользовался. Напр., почему различіе между буржуа и ситуаэномъ объяснено именно на 36-й стр., а не раньше, какъ бы слѣдовало? Не потому-ли, что оно находится въ томъ мѣстѣ Исторіи Роже, которое по ходу мыслей профессору Випперу пришлось заимствовать именно для 36-й страницы.

Историкъ по профессіи, г. Випперъ естественно оказывается не сильнымъ въ знаніи богословія. Такъ, на 492-й стр. новозавѣтный законъ благодати названъ закономъ прощенія, между тѣмъ какъ прощеніе есть только одно изъ свойствъ этого закона, и не самое существенное, такъ какъ Богъ прощаль людей и въ ветхомъ завѣтѣ, когда новозавѣтнаго закона благодати еще не было. Слова: „loi de grace“, нужно было перевести: „законъ благодати“, а не „законъ прощенія“.

На 495-й стр. профессоръ Випперъ пишетъ: „Возрождается ветхозавѣтная теорія возмездія Божія на отдаленныхъ потомкахъ за грѣхи предковъ“. Но въ Писаніи нѣтъ теорій, а есть положительное, истинное ученіе, какъ слово Самого Бога. Что потомки, даже самые отдаленные, расплачиваются за грѣхи своихъ предковъ, это не теорія, а законъ, страшная сила котораго никогда не была такъ ясно сознаваема, какъ именно въ настоящее время современною наукою съ ея ученіемъ о наслѣдственности. Теперешніе психіатры и прочіе врачи, біологи, соціологи, экономисты и историки признають несомнѣннымъ фактомъ и непреложною истинною то, что душевныя и тѣлесныя болѣзни, порочныя наклонности и страсти передаются, въ видѣ предрасположенія, потомкамъ, часто проявляются въ послѣднихъ даже въ повышенной степени, въ болѣе и болѣе возрастающихъ размѣрахъ, и приводятъ ихъ къ вырожденію, вымиранію и гибели.

На 290-й стр. избраніе пресвитера общиною названо хиротонією. Но избраніе, а въ иныхъ случаяхъ назначеніе во

пресвитера, или въ какую либо иную іерархическую степень есть актъ, предшествующій хиротоніи и совершенно отличный отъ нея. Избраніе есть административное дѣйствіе или распоряженіе, чрезъ которое избирающая община, или назначающая церковная власть признаетъ достойнымъ возведенія въ ту, или иную іерархическую степень намѣченнаго кандидата и назначаетъ его проходить соотвѣтствующее этой степени служеніе въ опредѣленномъ приходѣ, если лице избирается въ діаконы, или во священники, или же въ опредѣленной епархіи, когда избранный назначается въ епископы. Напротивъ, хиротонія, по русски рукоположеніе или посвященіе, есть дѣйствіе совсѣмъ не административное, а богослужебное и таинственное, посредствомъ котораго рукополагатели и вся Церковь испрашиваютъ у Бога избранному и новопосвящаемому въ іерархическую степень лицу особенную благодатную помощь, говоря точнѣе, рукополагатели ниводятъ на него чрезъ молитву и руковозложеніе дары благодати священства, потребныя для достойнаго прохожденія іерархическаго служенія. Такъ дѣло обстоитъ у православныхъ, латинянъ, армянъ-григоріанъ и у нѣкоторыхъ другихъ восточныхъ сектъ. Что касается до протестантовъ, то они, какъ извѣстно, не признаютъ священства таинствомъ, а потому у нихъ нѣтъ и настоящей хиротоніи. Но и у нихъ, съ одной стороны, есть избраніе пасторовъ общиною, или же назначеніе ихъ супер-интендентомъ, либо консисторіею, а съ другой, есть благословеніе избраннаго въ пасторы лица, соединенное съ молитвою, имѣющее значеніе церковнаго или богослужебнаго обряда и какъ бы замѣняющее хиротонію.

Хиротонія въ книгѣ неоднократно названа наложеніемъ рукъ (238, 244, 250, 259 и друг. страницы). Но порусски наложеніе рукъ означаетъ самоубійство, или убійство; а хиротонія называется рукоположеніемъ или посвященіемъ.

На 296-й стр. боры древней церкви названы синодами. Конечно, и синодъ есть соборъ. Но теперь на русскомъ языкѣ синодомъ называется соборъ епископовъ постоянный, непрерывно существующее церковно-правительственное учрежденіе, стоящее во главѣ помѣстной церкви. А соборами, какъ въ древней церкви, такъ и во всѣхъ послѣдующія времена, назывались временныя съѣзды епископовъ, собиравшіеся или періодически, или безсрочно, по мѣрѣ надобности.

Авторъ книги, какъ показываютъ его имя и фамилія, не русскій, и это не выгодно отразилось на языкѣ книги.

Въ книгѣ есть выраженія неправильныя, неточныя. Такъ, на 328-й стр. сказано: „Непочтительное отношеніе родителей къ дѣтямъ“. Но непочтительными могутъ быть только дѣти въ отношеніи къ родителямъ, а не родители къ дѣтямъ. — На 154-й стр. древняя Церковь названа раннею, а не первенствующею или древнею, какъ бы слѣдовало. — На 85-й и 311-й страницахъ церковная община названа коммуною, т. е., французское слово *commune* оставлено безъ перевода и только написано русскими буквами. Но въ русскомъ языкѣ до недавняго времени слова коммуна совѣтъ не было, а теперь оно въ немъ есть, но означаетъ отнюдь не церковную общину, хотя бы и протестантскую, а социалистическое общество.

На 132-стр. сказано: „Въ Писаніи власти придается даже имя божества“. Но точнѣе слѣдовало бы сказать, что въ Писаніи представители власти названы богами, именно, элогимъ въ псалмѣ 81-мъ, *Dei* въ Евангеліи отъ Іоанна (10, 35). — На 535-й стр. споры между богословами названы диспутациями. Но устные ученые споры или бесѣды называются диспутами; а диспутацией называется письменное разсужденіе, особенно полемическое. — На 556-й стр. написано: „Подъ влияніемъ начавшейся организациіи и борьбы во Франціи“; но не сказано организациіи чего именно, и изреченіе осталось неопредѣленнымъ и неяснымъ.

Есть въ книгѣ выраженія нескладныя, неуклюжія. Такъ, на 556-й стр. профессоръ Вилперъ пишетъ объ ученикѣ Кальвина Безѣ: „Онъ, за исключеніемъ одного пункта, мало отступаетъ отъ Кальвина; но нѣкоторыя положенія Кальвина являются у него болѣе заостренными“. — На 299-й стр. о народной массѣ сказано, что она въ церкви конституирована какъ цѣлое, съ правомъ голоса и обсуждения. — На 301-й стр. о Кальвинѣ сказано, что „онъ акклиматизировался на швейцарской, или южно-германской почвѣ“. — На 451-й страницѣ написано: „Предоставляли суду *carte blanche*“.

Есть въ книгѣ выраженія вульгарныя, не умѣстныя въ ученое сочиненіи. Такъ, на 479-й стр. сказано: „обезкураживать протестантскую партію.“ — На 685-й стр. о гражданахъ Женевы сказано, что они хотятъ „опрокинуть конси-

сторію и церковную дисциплину.“ — Многократно встрѣчаются выраженія: напирать (стр. 125, 155, 289, 326, 342, 355, 378, 448, 452, 648), фигурируетъ (100, 142, 161, 175, 321, 349, 471, 485, 502, 546, 589 стр.), скандалъ (569, 572, 618 стр.).

Затѣмъ, чуть не на каждой страницѣ встрѣчаются иностранныя слова не употребительныя, не обрусѣвшія, а потому не общепонятныя, и даже для слуха понимающихъ ихъ значеніе не привычныя, да и сами по себѣ нескладныя. Не извинительно это особенно потому, что нѣтъ въ нихъ ни малѣйшей надобности, такъ какъ они вполне могутъ быть замѣнены соответствующими русскими, общепонятными и благозвучными словами. Такъ, г. Вишперъ пишетъ: дедикація вмѣсто посвященіе (80, 423 стр.), оперироваль вмѣсто дѣйствовалъ (120), коррективъ вмѣсто исправитель, правило, мѣрило (138, 424, 644), мотивація вмѣсто изложеніе побужденій (150, 493) и мн. подоб.

Наконецъ, русская рѣчь въ книгѣ испорчена примѣсью оставленныхъ безъ перевода словъ, полуфразъ, фразъ и цѣлыхъ отрывковъ на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Конечно, въ теперешнихъ ученыхъ сочиненіяхъ такое разноязычіе, въ своемъ родѣ вавилонское смѣшеніе языковъ, встрѣчается сплошь и рядомъ, но въ книгѣ профессора Вишпера оно доведено до крайности: иноязычными словами и реченіями испещрена вся книга, и текстъ и примѣчанія. Иногда одна половина предложенія русская, другая—иноязычная. Какъ неудобоваримая пища мало даетъ питательныхъ соковъ тѣлу, а между тѣмъ обременяетъ желудокъ, затрудняя перевариваніе и усвоеніе и хорошей пищи: такъ и иноязычныя реченія въ книгѣ пользы читателямъ ея не приносятъ и даже прямо вредны тѣмъ, что развлекаютъ вниманіе читателя и затрудняютъ чтеніе и пониманіе книги. Кому они нужны? Знатоки предмета, если бы они пожелали провѣрять книгу, безъ сомнѣнія, не удовольствуются помѣщенными въ ней иноязычными выдержками, а обратятся къ тѣмъ книгамъ, изъ которыхъ онѣ взяты. Для читателей, знающихъ языки, но интересующихся предметомъ книги только слегка, иноязычныя выдержки едва-ли могутъ имѣть важность. Для незнающихъ языковъ онѣ — камень преткновенія и оттолкнуть ихъ отъ чтенія книги. Мы думаемъ, что иноязычныя слова и реченія нужно приводить только

тогда, когда они особенно важны, и когда, притомъ, значеніе ихъ заключается въ самой буквѣ ихъ и не можетъ быть со всею точностію передано въ переводѣ на русскій языкъ. Но и въ этихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, рѣдкихъ, иноязычныя слова и фразы нужно приводить въ скобкахъ, а болѣе длинныя выдержки—въ примѣчаніяхъ, помѣщая рядомъ съ ними, въ текстѣ, русскій переводъ ихъ.

Изложеніе мѣстами не имѣетъ достаточной ясности и строгой послѣдовательности, такъ что не легко слѣдить за теченіемъ мыслей, не смотря на то, что въ книгѣ обсуждаются предметы конкретныя, а не отвлеченныя, рассказываются историческія событія и объясняются характеры лицъ и ихъ дѣйствія и строй общественныхъ учрежденій, а не философскія теоріи и не богословскія ученія излагаются. Напр., первая глава изложена спутанно.

Къ книгѣ не приложено перечня опечатокъ, а между тѣмъ въ ней есть опечатки немаловажныя. Напечатано: масса вмѣсто месса (278 стр.), депутація вмѣсто репутація (69 с.), Сабеллія вмѣсто Савеллія (446 с.), Сафиры вмѣсто Сапфиры (458 с.). На страницахъ 427 въ примѣчаніи, 458, 561, 677, напечатаны безсмыслицы, либо отъ пропуску, либо отъ неадекватной перестановки словъ.

Впрочемъ указанные недостатки книги суть или частныя, или внѣшніе; а по существу книга можетъ быть очень полезна историку, а отчасти также богослову и ученому законовѣду.

Что книга имѣетъ значеніе для историковъ, какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ, это само собою понятно. Правда, въ книгѣ излагается исторія церковно-гражданскаго управленія только одного города средней величины и притомъ въ теченіе только одного столѣтія, и потому книга по предмету своему узка и специальна. Но значеніе предмета книги чрезвычайно расширяется чрезъ то, что въ этомъ городѣ въ этотъ вѣкъ жили и дѣйствовали Кальвинъ, основатель одной изъ главныхъ вѣтвей протестантизма, и его ученики и послѣдователи; въ этотъ вѣкъ жители этого города отпали отъ Римской церкви и сдѣлались кальвинистами, и здѣсь были заложены и получили развитіе начала кальвинизма, откуда послѣдній распространился по всей Швейцаріи и во многихъ другихъ странахъ. Такимъ образомъ исторія Же-

невы и кальвинизма въ Женевѣ въ XVI-мъ вѣкѣ имѣеть важное значеніе для пониманія происхожденія, источника, основъ и первоначальнаго развитія кальвинизма вообще, а также для ознакомленія съ личностію и дѣятельностію отца этого вѣроисповѣданія—Кальвина.

Для богослова книга профессора Вилпера имѣеть то значеніе, что она знакомитъ его съ общественною и церковною дѣятельностію основателя одного изъ христіанскихъ исповѣданій и сообщаетъ подробности внутренней жизни одной изъ протестантскихъ общинъ. Впрочемъ въ книгѣ много интереснаго только для богослова-историка. Въ ней не только нѣтъ догматико-полемическаго элемента, но даже и догматическое ученіе кальвинизма почти не затронуто. Это—крупный недостатокъ книги. Въ книгѣ изслѣдуется *вліяніе* кальвинизма на политическія движенія XVI вѣка въ Женевѣ. Естественно было разсмотрѣть эту *вліяющую силу*, т. е., кальвинизмъ, по существу, тѣмъ болѣе, что кальвинизмъ только что возникъ въ ту эпоху и въ томъ городѣ, исторія которыхъ изображена въ книгѣ. Но именно этого-то въ книгѣ нѣтъ.

Юриста можетъ заинтересовать то, что въ Женевѣ въ XVI-мъ вѣкѣ практически, въ самой жизни былъ поставленъ и рѣшаемъ вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству.

Наконецъ, въ насъ лично при чтеніи книги профессора Вилпера возникли нѣкоторые вопросы, которые въ ней самой, однако, не рѣшены и даже не поставлены.

Напр., возникаетъ любопытный вопросъ о томъ, какое вліяніе оказалъ кальвинизмъ, съ его фаталистическимъ ученіемъ о безусловномъ предопредѣленіи, съ его суровыми требованіями нравственной чистоты отъ своихъ послѣдователей, на нравственность Женевцевъ. Изъ книги профессора Вилпера видно, что церковныя власти Женевы очень строго слѣдили за нравственностію Женевцевъ и даже подвергали суду и наказаніямъ провинившихся въ прелюбодѣяннн, распутствѣ и другихъ тяжкихъ порокахъ, а иногда судили и за малые проступки, и изъ за этого пасторамъ и консисторіи приходилось получать отпоръ отъ сильныхъ міра сего: но его книга не даетъ матеріала для рѣшенія вопроса, улучшилась-ли нравственность Женевцевъ отъ строгаго, даже

нѣсколько инквизиторскаго, надзора за ними пасторовъ и отъ карательнаго воздѣйствія на нихъ со сторонъ послѣднихъ. Разумѣется, для рѣшенія этого вопроса, быть можетъ, потребовалось бы написать исторію Женевы за всѣ четыре послѣднія столѣтія и за нѣсколько столѣтій, предшествовавшихъ реформаціи.

Интересно было бы также знать, осталась-ли въ современной Женевѣ хотя малая доля того вліянія церковной власти и пасторовъ на гражданское управленіе, на общественныя дѣла, на нравственность жителей, примѣняются-ли церковною властію карательныя мѣры за проступки противъ нравственности, и каково нравственное состояніе жителей Женевы — лучше-ли, нежели въ другихъ большіихъ городахъ.

Затѣмъ, Женева — одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ. Въ извѣстномъ Путеводителѣ Бедекера еще 30 лѣтъ тому назадъ значилось, что въ Женевѣ насчитываютъ до восьмидесяти милліонеровъ. Теперь, можетъ быть, ихъ больше. Возникаетъ интересный вопросъ, оказалъ-ли кальвинистическій ригоризмъ какую нибудь долю вліянія на накопленіе богатствъ въ Женевѣ; или же обогащеніе Женевцевъ было и остается результатомъ иныхъ условій — экономическихъ, политическихъ, географическихъ, этнографическихъ, социальныхъ. Едва-ли отвѣтъ на вопросъ о причинѣ обогащенія Женевцевъ будетъ основателенъ, если источникомъ богатствъ Женевы мы признаемъ выдѣлку часовъ, составляющую главное занятіе Женевцевъ. Конечно, выдѣлка часовъ—очень выгодное ремесло; но всетаки главныя условія обогащенія составляютъ—способности, трудолюбіе, трезвость, бережливость, простота и умѣренность образа жизни, развитіе взаимопомощи. Прославившіеся на весь свѣтъ и на всѣ времена и привлекушіе къ себѣ сочувствіе всѣхъ народовъ своею доблестію Буры, если ихъ страна останется за ними, съ теченіемъ времени, быть можетъ, разбогатѣютъ не хуже Женевцевъ. Но источникомъ ихъ обогащенія будутъ не однѣ только открытыя и разработанныя ими же копи золота и алмазовъ, а сокровище гораздо болѣе прочное и цѣнное, это — ихъ трудолюбіе, ихъ простой патріархальный образъ жизни, ихъ нравственная чистота, ихъ глубокая религіозность и благочестіе.

Но какъ Женевицы, такъ и кальвинисты вообще—всетаки сектанты. Какъ и у другихъ сектантовъ, у кальвинистовъ даже лучшія стороны ихъ религіозно-нравственнаго настроенія получаютъ отпечатокъ непріятной рѣзкости. Въ частности, нравственная строгость у кальвинистовъ переходитъ въ религіозно-моральную нетерпимость, въ сектантскій фанатизмъ. Въ Женевѣ въ XVI-мъ вѣкѣ не только латиняне, но и всѣ вообще не-кальвинисты подвергались суровымъ преслѣдованіямъ. Противникъ Кальвина Серветъ былъ даже казненъ. Были въ Женевѣ и другіе судебные процессы изъ за вѣроисповѣданія.

Спрашивается, почему кальвинисты склонны къ религіозному фанатизму?

Въ книгѣ профессора Виппера ни этого вопроса, ни отвѣта на него мы не находимъ.

Не находимъ мы въ его книгѣ и объясненія по вопросу о томъ, какое вліяніе оказала религіозная нетерпимость на судьбы самого кальвинизма и на нравы Женевицевъ.

Достойно замѣчанія, что глава протестантизма и со товарищъ Кальвина по оппозиціи папству и Римской церкви Лютеръ не сочувствовалъ карательнымъ мѣрамъ противъ еретиковъ и считалъ ихъ недѣйствительными. Въ сочиненіи „О свѣтской власти“ онъ развиваетъ мысль, что противъ ереси нужно бороться Словомъ Божиимъ, а если и оно не подѣйствуетъ, то окажется недѣйствительною и мірская сила, хотя бы она напоила міръ кровію; что ересь—духовный предметъ, который нельзя ни разсѣчь мечемъ, ни сжечь огнемъ, ни потопить водою. Спрашивается, почему Кальвинъ и кальвинисты думали и поступали въ этомъ отношеніи иначе, нежели Лютеръ.

Слово Божіе рѣшительно воспрещаетъ примѣненіе карательныхъ мѣръ къ иновѣрцамъ и сектантамъ. Иисусъ Христосъ удержалъ своихъ учениковъ и выразилъ имъ порицаніе за то, что они хотѣли низвести огонь съ неба на Самарянъ, не принявшихъ Иисуса потому, что Онъ шелъ въ Іерусалимъ. *Не знаете, какого вы духа, сказалъ Онъ ученикамъ; ибо Сынъ человѣческой пришелъ не погублять души человѣческой, а спасать* (Лук. 9, 52—56). Ясно, что религіозная нетерпимость Кальвина и кальвинистовъ заслуживаютъ порицанія. Высказать послѣднее удержало профессора Виппера,

быть можетъ, желаніе быть какъ можно болѣе объективнымъ въ изложеніи исторіи кальвинизма. Но эта исторія нисколько не потеряла бы въ объективности, а выиграла бы въ полнотѣ и научности, если бы были указаны причины и слѣдствія кальвинистическаго нравственнаго ригоризма и религіознаго фанатизма. Напр., Кампшульте сравниваетъ Кальвина съ папою Григоріемъ VII. Въ самомъ дѣлѣ, не унаслѣдоваль-ли Кальвинъ, не смотря на отпаденіе отъ Рима и на оппозицію папству и католичеству, именно отъ средневѣковаго католичества инквизиторскій духъ и суровый вѣроисповѣдннй фанатизмъ? Или, можетъ быть, источникомъ религіознаго фанатизма и нравственнаго ригоризма Кальвина былъ личный характеръ этого реформатора, человѣка суроваго и мрачнаго? Эти и сродные съ ними вопросы въ книгѣ Виппера даже не поставлены.

А. Бѣляевъ.
